

О. Н. Кондратьева

Кемерово, Россия

**ФИТОМОРФНАЯ МЕТАФОРА
КАК СРЕДСТВО РЕПРЕЗЕНТАЦИИ КОНЦЕПТА «ДУША»
В РУССКОЙ ЛИНГВОКУЛЬТУРЕ**

АННОТАЦИЯ: В статье рассматривается роль сферы «мир растений» в метафорическом осмыслении одного из центральных концептов русской лингвокультуры – концепта «душа», выделяются фреймы и слоты, структурирующие фитоморфную метафорическую модель

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: лингвокультура, концепт, концептуальная метафора, фитоморфная метафора, душа

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ: Кондратьева Ольга Николаевна, доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка Кемеровского государственного университета.

Адрес: г. Кемерово, ул. Красная, 6.

E-mail: Kondr25@rambler.ru

O. N. Kondratyeva

Kemerovo, Russia

**PHITOMORPHIC METAPHOR AS MEANS OF CONCEPT "SOUL"
REPRESENTATION IN RUSSIAN LINGUOCULTURE**

ABSTRACT: In the article the role of the area "flaura" in the metaphorical judgement of one of the central concepts of the Russian linguoculture – the concept "soul" – is considered, frames and slots structuring phitomorphic metaphorical model are singled out.

KEY WORDS: linguoculture, concept, conceptual metaphor, phitomorphous metaphor, soul

ABOUT THE AUTHOR: Kondratyeva Olga Nikolaevna, Doctor of Philology, Professor of Department of Russian, Kemerovo State University.

Одним из наиболее активно развивающихся направлений современного языкознания является лингвокультурология, сформировавшаяся в результате интегрирования лингвистики со смежными дисциплинами – культурологией, этнологией и этнографией. Основной задачей лингвокультурологии является анализ языковых явлений, раскрывающих национально-культурную специфику образа мира того или иного народа, т.е. анализ его языковой картины мира.

На формирование картины мира этноса оказывает влияние целый ряд факторов – это история, религия, язык, традиции, ландшафт, природа, характерная для ареала существования этноса флора и фауна. Роль понятийной сферы «мир растений» в концептуализации различных сфер действительности в последнее время начинает привлекать пристальное внимание лингвистов (см., например, Балашова 1999; Богуславский 1994; Кондратьева 2005, 2014; Кропотухина 2011; Рыжкова 2003; Чудинов 2001 и др.).

Установлено, что растительная лексика способна характеризовать бытие и развитие различных сфер не предметного мира, этапы жизни человека, связь поколений внутри рода, внешний облик человека, его внутренний мир. Следовательно, включение знаний о растительном мире в систему средств характеристики человека, «расширение и углубление знаний о самом человеке посредством сравнения и сопоставления, поиска и подбора образам реального мира природы – закономерный и обязательный этап развития человеческого знания о себе и носит универсальный характер» [Богуславский 1994: 190].

Причины данного явления следует искать в глубоком прошлом, когда все живое представлялось единым целым, а растение могло выступать как источник всего сущего (ср. концепцию Мирового Древа). Со времен язычества растениям и породившей их земле приписывались особые функции, с ними связывался культ предков, разного рода обряды и ритуалы. Многие явления жизни человека соотносились с жизнью растений, что нашло отражение и в языке (см, например, Кошарная 1999).

Достаточно распространенным являлось представление о связи отдельных компонентов внутреннего мира человека, в том числе и души, с миром растений. В частности, у славян существовало представление души в образе цветка, бытовали мотивы

прорастания души в виде деревьев и цветов, а также поверья, что души умерших живут в деревьях, ветвях, листьях или цветах, отсюда запрет срубить некоторые деревья и обычай сажать деревья на могилах [Толстая 1999: 166].

Уподобление души дереву встречается и в Библии: **и будет душа их якоже дерево плодовито**, и не взалчут ктому (Иер. 31: 12). Древнерусская культура также активно использовала метафорический потенциал растительной лексики для концептуализации внутреннего мира человека, однако преимущественно подобные метафоры использовались при концептуализации сердца и ума (см. подробнее Кондратьева 2014).

Познание внутреннего мира происходило преимущественно посредством метафор, и задача настоящего исследования – выявить роль сферы «мир растений» в метафорической концептуализации души русского человека.

Современная лингвистика отказалась от традиционного взгляда на метафору как на «сокращенное сравнение», метафора в данный момент рассматривается как основная ментальная операция, как способ познания, структурирования и объяснения мира. Метафорический перенос не произволен, существует некое содержание, инвариантно присутствующее в областях Источника и Цели, которое и составляет основание переноса. Также следует отметить, что метафорические стратегии, безусловно, обладают культурной и исторической спецификой.

В процессе исследования фиотоморфной метафорической модели нами была использована разработанная А. П. Чудиновым методика анализа, которая включает характеристику сферы-источника (мира растений) и сферы-мишени (души), выявление относящихся к данной модели фреймов и определение компонентов, которые связывают первичные и вторичные значения охватываемых данной моделью единиц [Чудинов 2001: 45].

В результате проведенного анализа языковых единиц, извлеченных из текстов русской художественной литературы XIX–XX веков, было установлено, что фитоморфная метафорическая модель представлена фреймами **«Состав царства растений»**, **«Части растения»**, **«Жизненный цикл растений»**, **«Места произрастания растений»**, **«Выращивание растений»**, каждый из которых состоит из отдельных слотов и организует значительное количество метафорических переносов.

1. Фрейм **«Состав царства растений»**. Из всего много-

образия флоры источниками метафорической концептуализации чаще всего становятся обобщенные номинации растений (растение, цветок, дерево, куст), реже – их конкретные разновидности. В качестве основания метафорического переноса используются характерные свойства растений.

1.1. **Слот «Растение».** Концепт «растение» при метафорической проекции на внутренний мир человека позволяет представить душу как природный организм, нежный и хрупкий, требующий бережного отношения и заботы: *... Душа – нежное растение и требует постоянного ухода* (А. Житинский. Лестница); *Но душа как-то сама «на солнышке» зреет. Хрупкое растение, и ох как трудно вырастить его одной, без тебя* (В. А. Каверин. Перед зеркалом); *Как и что происходит там с этими нежными растениями нашей души, я не знаю...* (А. Ф. Писемский. Старческий грех).

1.2. **Слот «Цветы».** Метафоризации подвергается как родовой концепт «цветок», так и концепты, обозначающие конкретные виды растений. Типология цветов, которым уподобляется душа, достаточно разнообразна. Прежде всего, это исконно-русские *одуванчики, маки, мать-и мачеха, маткина душа, сурепка: Наши души – два яркие мака, У которых сплелись лепестки* (В. Я. Брюсов. Два мака); *Пусть душа моя наплачется: станет крепкою и цепкой и поденщицей, и падчерицей, мать-и-мачехой, сурепкой* (О. Николаева. Пусть душа моя наплачется...); *Мне нежных слов любви не говори: моя душа, что одуванчик нежный, дитя больное гаснущей зари, случайный вздох иль поцелуй небрежный, шутя развеет венчик белоснежный...* (Эллис (Л. Л. Кобылинский). Одуванчик); *Маткиной-душкою Скромно цвети, С мирной невинностью Цветом души* (В. А. Жуковский. Песня).

С XVIII века в художественном дискурсе закладывается традиция сопоставления души с заморскими цветами: *Подобно как в саду, где роза с нежным крином, нарцисс и анемон, аврикула с ясмином И тысячи цветов Пестреют на берегу кристальных ручейков, Не знаешь, что хвалить, над чем остановиться, На что смотреть, чему дивиться, – Так я теряюсь в красотах Прелестных ваших душ* (Н. М. Карамзин. Послание к женщинам).

Впоследствии получают широкое распространение связанные с эстетикой романтизма образы розы и лилии, которые также начинают использоваться для концептуализации души:

Душа, как роза, расцветала! Не зная, что горесть, что беды (Я. Б. Княжнин. Воспоминание старика); *Трудолюбивою пчелой... Ты, мысль, повисла в зное мира Над вечной розою – душой* (В. Ходасевич. Трудолюбивою пчелой...).

Лилия традиционно символизирует чистоту и невинность, именно данные признаки актуализируются при метафорическом сопоставлении души с этим цветком: *Как лилия была чиста душою, И пламенел румянец на щеках ...* (В. А. Жуковский. Эльвина и Эдвин); *И юная чиста была душа ея, Как лилия, блестящая росою* (В. Н. Олин. Упование). Конец XIX века ознаменовался введением в поэтический обиход образов экзотических цветов. Например, сопоставление души с лотосом, так же, как и с лилией, репрезентирует чистоту души: *Моя душа, как лотос чистый, В томленьи водной тишины...* (М. Лохвицкая. Моя душа, как лотос чистый...).

Исходя из приведенных выше примеров, можно сделать вывод, что использование для метафорического осмысления души концептов «роза», «лилия», «лотос» основано на прототипических признаках данных растений. Так, в «Словаре символов» указано, что «На Западе роза и лилия занимают место восточного лотоса, мистическая роза – близкий его аналог по символическому значению – это совершенство, завершенность, таинство жизни, ее средоточие, неведомое, красота, благодать, счастье» [Словарь символов]. Подобное значение и реализуется посредством названного типа метафор: через сопоставление с перечисленными цветами душа предстает как нечто совершенное, неведомое, чистое, прекрасное.

1.3. **Слот «Дерева и кустарники».** Использование при осмыслении души концептов «дерево» и «кустарник» основано, преимущественно, на таких свойствах данных видов растений, как крепость, гибкость, способность противостоять природным катаклизмам и возрождаться после их действия: *Душа Мани похожа теперь на эти деревья. Ветки сломаны. Листья опали и умирают на земле. Но ведь распрямится же она когда-нибудь!* (А. Н. Вербицкая. Ключи счастья); *Подобно деревцу зимой, В печали хладной и немой, Душа убитая не ропщет!* (Е. Бернет. В наряде пышном и зеленом...); *Никто не следил за ним, ничья рука негнула его, и душа этого человека сложилась свободно и своеобразно, как дерево в поле* (М. П. Арцыбашев. Санин).

При осмыслении души задействованы представления о

разных деревьях, от традиционно русской березы и яблони до заморской пальмы: *Душа как березка, насильно ее в большую березу не вырастишь*, (И. А. Новиков. Жертва); *Как яблоня благоуханная, душа скупая расцвела* (С. Гордецкий. С мороза алая, неожиданная... (1913); *А Душа моя – пальма, Рой светлых голубок – Мечты золотые, Что на ночь отвсюду Слетаются к ней* (А. Н. Майков. Альбом Антиноя).

Доминирующими источниками концептуализации, безусловно, являются значимые для русской лингвокультуры деревья – береза, дуб, кедр и т.д. При концептуализации души используются прототипические характеристики каждого из видов деревьев, например, податливость, наивность и чистота – у березы, твердость, устойчивость – у дуба и кедра: *А у меня душа – она почти из воска: податлива, тонка, наивна, как березка* (Б. Окуджава. В юности матушка мне говорила); *Душа моя тверда, как дуб нагорный, Напрасно бедствия сразить ее хотят* (К. Ф. Рылеев. Марфа Посадница); *Мужицкая душа, как кедр зелено-темный, Причастье Божьих рос неуголимо пьет* (Н. Клюев. Земля и железо).

2. Фрейм «Части растения». Детально структурированное в сознании человека знание о морфологии растений активно используется в описании души человека, что зафиксировано в двух типах метафор – во-первых, строение растения проецируется на строение души (в ее структуре выделяются *корни, стембель, ветви* и т.д.) и, во-вторых, сама душа уподобляется отдельной части растения (*корню, стеблю, почке* и т.д.) и выполняет соответствующую данному элементу функцию. Для осмысления души используются концепты «корень», «стебель», «ветка», «кора», «лист», «почка», «цветок», «плод» и т.д.

2.1. Слот «Корень». Лексемы *корень, укорениться, выкорчевать* (вырвать с корнем), сочетаясь с лексемой душа, получают метафорическое переосмысление: *Да за такое дед мой, Ларион, душу из меня с корешками вынул бы!* (Л. М. Леонов. Вор); – *Душа как березка, ... сильно потянешь – корешки оборвешь* (И. А. Новиков. Жертва); *Топчешь танком, моришь газом, Генеральской давишь тушей, Воешь банковской гиеной, – Но не выкорчуешь души* (О. Э. Мандельштам. Петербург); *Как плуг в целых землях, путались и резали коренья души знакомые слова* (Вс. Иванов. Как плуг в целых землях...).

Корень – то, что позволяет растению укрепиться, связывает его с кормящей почвой, обеспечивает питание и, следова-

тельно, жизнедеятельность организма, корень – это основание души, ее глубинная, скрытая часть: *Это трагическое, но и пошлейшее чувство не щадит самых нежных корней души* (А. С. Грин. Фанданго); *Потряс он меня до корней души. Ночевал и всю ночь бредословил, как тифозный.* (М. Горький. Жизнь Клима Самгина).

2.2. **Слот «Ствол и его части».** В пределах данного слота источником метафоризации становятся концепты «ствол», «ветка», «сук», «почка», «лист»: *Тогда душа моя, как стебель травы, срезанной под корень, склонилась вниз* (Л. М. Леонов. Туатамур); *Прозрев, что веткою в ручей Душа родимая глядится!* (Н. А. Клюев Не в смерть, а в жизнь введи меня...); *И души, как листья цветов, лесные, Горят, – кипит, свистит пожар лесной* (К. Д. Бальмонт. Конец мира); *Душа народная растет в неизвестности и вдруг лопается, как почка, и тогда невиданное предстает миру...* (Л. М. Леонов. Вор); *И чтобы не было сукров в душе, – чтобы рост ее не застаивался, чтобы человек не замешивал своей тупости в устройство своей бессмертной сути, заведено много такого, что отвлекает его пошное любопытство от жизни* (Б. Л. Пастернак. Детство Люверс).

Процесс появления ветвей, побегов, почек в фитоморфной метафорической модели ассоциируется с возникновением новых свойств, изменениями, динамикой. Кроме того, подобные метафоры связаны с метафорами времен года, а именно метафорами весны, также репрезентирующими изменения в душевной жизни: *Весенние ветви души, Побег от древнего древа, О чем зашептались в тиши?* (В. И. Иванов. Поэзия); *Душа народная растет в неизвестности и вдруг лопается, как почка, и тогда невиданное предстает миру...* (Л. М. Леонов. Вор).

Концепт «листья» в метафорическом значении используется преимущественно при обозначении эмоциональных состояний. В частности, трепет листьев метафорически передает трепет души, ее реакцию на события, волнение: *...Не ветер, вея с высоты, Листов коснулся ночью лунной; Моей души коснулась ты – Она тревожна, как листья* (А. К. Толстой. Не ветер, вея с высоты...); *Но я уже не мог молчать, во мне все сместилось и лихорадочно дрожало: душа ... трепетала, будто черемуховый озябший листок...* (В. Личутин. Крылатая Серафима).

2.3. **Слот «Кора».** Кора – это наружная часть ствола или

ветви, ее основная характеристика, используемая при метафоризации, – твердость. Метафоры данного типа традиционно указывают на бесчувственность, безразличие, безжизненность: *Но скоро черствая кора С моей души слетела, мир прекрасный Моим глазам открылся не напрасно, И я воскрес для жизни и добра* (М. Ю. Лермонтов. Маскарад).

Особую группу образуют метафоры, связанные с разрушительным воздействием на кору и древесину различных насекомых (жука, червя, саранчи, вши и др.). Подобным образом может быть представлено негативное влияние на душу человека отрицательных эмоций, внешних факторов и даже отдельных людей: *Та постоянная неотвязная тоска, которая ходила за ним уже столько лет, незаметно, как червь точит дерево, подтачивающая его душу, куда-то отошла* (М. П. Арцыбашев. Старая история); *Неотвязная тоска, словно жук-короед, с начала войны точила душу, и заглушить ее не было возможности* (В. Быков. Знак беды); *Тоска грызла душу, как саранча грызет злаки, – с хрустом и быстро...* (Р. Солнцев. Полураспад); *Она, массовая культура, как окопная вошь, что грызет тело, но подтачивает душу* (В. Астафьев. Зрячий посох); *Влезет эдакий в душу тебе, подобно червю, и незаметно источит её* (М. Горький. Жизнь Матвея Кожемякина).

2.4. **Слот «Цветы».** При использовании концепта «цветок» как источника метафорической проекции, переносные значения развивают лексемы, обозначающие сам цветок и его части, а также основные фазы его существования: *цветок, лепесток, чаша, раскрываться, распускаться, развернуться* и др.: *Одним своим прикосновеньем Я опалил твой детский лик; Я ядовитым дуновеньем К цветку твоей души приник* (В. Я. Брюсов. Фауст); *Ее собственная душа раскрыта перед ним, как свежая чаша цветка* (А. Н. Вербицкая. Ключи счастья); *Подавляющее большинство (беспризорники. – О. К.) никуда не бежит и ничего не ищет, а простодушно подставляет нежные лепестки своих детских душ организующему влиянию соцвоса* (А. С. Макаренко. Педагогическая поэма); *Суровая рука «экономического человека» ...не давала развернуться ни одному лепестку в юной душе* (В. Г. Короленко. Павловские очерки).

Метафоры 'распускания' души-цветка преимущественно используются для обозначения возраста человека, а именно

молодости, юности: *А ведь есть необъятное наслаждение в обладании молодой, едва распустившейся души!* (М. Ю. Лермонтов. Герой нашего времени); *Я жадно прислушивался к этому голосу, как ко всякому откровению нераспустившейся женственной души*, ловил каждый звук его (А. А. Григорьев. «Гамлет» на одном провинциальном театре).

‘Раскрытие’ души – это также пропуск другого человека в свой внутренний мир, предоставление возможности заглянуть в самую глубину души, с тайное тайных, доверие и открытость: *Чужая, детски наивная душа открывалась перед Григорием просто, как открывается, впитывая росу, цветок...* (М. Шолохов. Тихий дон); *Туго и медленно, как осторожный цветок на заре, раскрывалась перед Озеровым душа нового комиссара*, и Озеров начинал видеть, что в ней полностью огненно-красного цвета, словно в бутоне махрового мака (М. Бубеннов. Белая береза); *Душа ее раскрывалась, и что-то нежное, справедливое, хорошее не то вливалось в ее сердце, не то выросло в нем* (И. С. Тургенев. Накануне).

Душа человека ‘раскрывается’, ‘распускается’ в ответ на внимание, заботу, сочувствие: *Она сама не замечала, как ее душа, до сих пор лишенная ласки и внимания, точно комнатный цветок – солнца, радостно распускалась теперь навстречу теплым лучам его участия к ней* (А. И. Куприн. На разъезде).

2.5. Слот «Плод и семя». В образе семени переплетаются мифологические и христианские символы [Топоров 1999; Словарь библейских образов 2008: 1059–1062]. Концепт «семя» символизирует непрерывность развития, возрождение к жизни, плоды символизируют идею созревания, духовного роста, достижения определенного состояния: *Нет, лишь душа недоступна тленью, Плачет, смеется, тревогой жжет, Неуловима, как дуновенье, И тяжела, как созревший плод* (В. А. Рождественский. Строка); *Плод пережитого бытия – Кажется, душа во мне созрела?* (А. Е. Адалис. Жизнь полуиссякающая моя...).

Душа уподобляется не только созревшему поду, но и его частям – косточке, коже: *Но жаль, что, словно косточка в черешне, Затвердевает в нас душа* (Д. Самойлов. О Господи, конечно, все мы грешны...); *Случаются же такие любовные вихри, которые возникают словно бы ниоткуда, освобождают душу из оцепеневшей кожины* (В. Личутин. Крылатая

Серафима). Как видно из приведенных контекстов, подобные метафоры репрезентируют твердость, жесткость, неспособность к эмоциональным реакциям.

3. Фрейм «Жизненный цикл растений». Представленные с помощью метафор данного фрейма моменты душевной жизни человека соотносятся со стадиями существования растений: душа человека **завязывается, укореняется, растет, цветет, созревает, плодоносит, увядает и сохнет**.

3.1. Слот «Завязывание и прораствание». Как отмечает Л. В. Балашова, «возникновение чего-либо регулярно ассоциируется с процессом прораствания семени, с появлением ростка на поверхности земли» [Балашова 1999: 263]. Метафорическое значение получают лексемы *прораствать, прозябать, укореняться, завязываться* и их производные.

Душа ребенка, ее начальный этап развития может быть представлен как формирование завязи: *Тупо, ломотно и тускло, как бы в состоянии вечного протрезвления, попадали элементы будничного существования в завязывавшуюся душу* (Б. Л. Пастернак. Детство Люверс). Познавая мир, формируя навыки, душа ребенка укореняется в жизни, в благой деятельности: *Благому примеру навыкшая душа из детства, укоренилась во благодетелии, и явила свету деяния во благосердии, почти невероятные* (А. Н. Радищев. Положив непреодолимую преграду...).

3.2. Слот «Рост». Метафоры роста создают позитивный образ развития: *Душа росла и очищалась* (Н. М. Минский. На чужом пиру); *Т.е. жить по-Божьи, желать того, чего хочет Бог, возрастить высшую душу в себе и в других* (Л. Н. Толстой. Записные книжки); *Он растет себе, и душа растет, вот он, примерно, дорос до двадцати годов...* (М. Горький. Два босяка).

3.3. Слот «Цветение». Метафоры цветения обладают ярко выраженной положительной окраской, они используются для обозначения полноты существования, счастья: *Так мне и вас жалко: мне хочется добра вам, хочется, чтобы человеческая душа ваша расцвела во всю силу, чтобы вы жили среди людей не лишним человеком!* (М. Горький. Жизнь Матвея Кожемякина); *И я душою цвел, и я для счастья жил – Теперь навек увял и с счастьем простился!* (Н. М. Карамзин. Протей, или Несогласия стихотворца); *Счастлив человек – и душа его как будто расцветает, работа спорится в руках...* (О. Белявский. Разговор продолжается).

С помощью метафор цветения репрезентируются сильные эмоции и чувства: *Это все, что осталось от наших чувств, от цветения наших душ* (Ю. К. Олеша. Зависть). Чаще всего подобным образом представлена любовь: *Как брак твой вновь позволил Павел, И кинул на тебя свой луч, Подобно розе развернувшись, Любви душою расцвела* (Г. Р. Державин. На брак графини Литты); *Я любим тобой, Я люблю тебя – Расцвели душой Мы, весь мир любя* (А. Н. Апухтин. Среди толпы чужой...); *Одолею все, чтоб узреть его, Отдохну при нем от кручины злой, Расцвету душой от любви его!*.. (Е. П. Ростопчина. Простонародная песня).

Также метафоры цветения репрезентируют эмоции радости, веселья: *И если маковый лепесток разрывался с треском, она улыбалась и расцветала душою, была весела...* (Н. С. Лесков. Гора); *Но вот уж я с тобою, И в радости немой Твоей друг расцвел душою, Как ясный вешний день* (А. С. Пушкин. К сестре).

Достаточно активно метафоры цветения используются для обозначения возраста, а именно – юности, молодости, периода воодушевления и жизненной активности: *Но не слушают его пионеры и их вожатые, предпочитая чужую, неведомую, нетранслируемую музыку, которая почему-то ... трогает их расцветающие души ...* (Митьки. Подросток); *Может быть, пора юности – это пора согласия с расцветающей душой,..* (Б. Васильев. Были и небыли).

Следует особо отметить, что метафоры цветения зачастую сопровождаются метафорами времен года (весна), которые также репрезентируют юные годы и сопутствующее им эмоциональное состояние: *Когда весна моя блистала, Сбирал я майские плоды. Душа, как роза, расцветала! Не зная, что горесть, что беды* (Я. Б. Княжнин. Воспоминание старика).

Метафоры цветения обозначают также начало нового этапа в жизни, возрождение после трудного периода: *Позабудет бедный горе, Расцветет душой старик...* В каждом сердце, в каждом взоре Радость вспыхнет хоть на миг (А. Н. Плещеев. Весна); *Пьеру казалось, что эта звезда вполне отвечала тому, что было в его расцветшей к новой жизни, размягченной и ободренной душе* (Л. Н. Толстой. Война и мир); *Я ожил бы еще расцветшею душою...* (А. С. Хомяков. Послание к Веневитиновым); *Пойдем, – я сказал ей, – жить вместе; Я нянчусь буду с тобой, Ходить за детьми и работать, И вновь расцветешь ты душой!*» (А. Н. Майков. Мне снилось: на рынке, в народе...).

3.4. **Слот «Созревание и плодоношение».** В пределах данного слота метафорическое переосмысление получают лексемы **зреть, созревание, плодоносить** и др.

Метафоры созревания используются для обозначения эволюции объекта, достижения им максимальной точки развития: *С любовью матери он мило расцветает; Из глаз ее в себя луч кротости вливает И зреет нежною душой* (Н. М. Карамзин. Послание к женщинам); *Для нас ее душа цвела и созревала* (В. А. Жуковский. К портрету великой княгини Александры Федоровны (1817)); *Созрела ль их душа? Напитан ли их ум Высоким знанием и мужества и чести?* (П. А. Плетнев. К Вяземскому); *Ваша душа созреет и свергнет старые заветы* (А. Н. Вербицкая. Ключи счастья).

Созревание души происходит в течение жизни благодаря благотворному влиянию образования, преодолению трудностей, работе: *Плод пережитого бытия – Кажется, душа во мне созрела?* (А. Е. Адалис. Жизнь полуйсякая моя...); *Да, тверд под бурями земными, Я зрею сердцем и душой* (Н. Ф. Щербина. Не внемлешь ты сужденьям света...); *От работы душа зреет, как колос от росы* (В. Личутин. Любостай).

Метафора **зрелая душа** используется для указания на возраст человека, она является показателем человека взросло-го: *Молодость любит в славе только шум, а душа зрелая – справедливое, основательное признание ее полезной для света деятельности* (Н. М. Карамзин. О счастливейшем времени жизни), душа незрелая – молодого, неискушенного в жизни: *Недозревшая душою, Я младенец лишь была – Он предстал – и предо мною Вся природа расцвела* (В. А. Жуковский. Нина к своему супругу); *Болезни, которая не под силу незрелой детской душе* (Е. Маркова. Отречение).

Метафоры плодоношения являются репрезентацией причинно-следственных отношений, демонстрируют результат духовной работы: *Любови нашей не отрини, Внемли к себе наш чистый жар, Велик своим ты в свете родом, Но больше тем, что чтим народом; Сие души твоей есть плод* (В. И. Майков. Возвеселися днесь, Россия...).

3.5. **Слот «Увядание».** Спад жизненной активности, разочарование метафорически репрезентируются с помощью лексем **отцвести, поникнуть, завянуть, засохнуть** и подобных: *Она ушла, обдуваемая ветром и пылью, с поникшей душой, я же уехал слегка лишь огорченный: меня ждали вели-*

кие дела (А. Слаповский. Висельник); *Какая меня может взять лека? – с горечью говорил старый Корытин. – Поглядел – душа вянет* (Б. Екимов. Пиночет); *Поняв, что в избе все неизменно, и поникнув душой, Нюра вдруг сразу устала: захотелось упасть на кровать и забыться* (В. Личутин. Вдова Нюра); *В этих низменных сферах общественной жизни душа вянет, сохнет в вечном беспокойстве, ... вечно наклоненная к земле, не подымает взора к солнцу* (А. И. Герцен. Кто виноват?); *Душа его, умом поглощена, Немела, вяла, сохла, истощалась* (Е. П. Ростопчина. Цирк девятнадцатого века).

Усталость, пресыщенность, скука также репрезентируются подобными метафорами: *Цвет жизни был сорван; увяла душа; В ней скука сменила надежду* (В. А. Жуковский. Теон и Эсхин); *Если сердце жить устанет, И душа твоя увянет, В дальней стороне Вспомни обо мне* (М. Ю. Лермонтов. Романс). *В младые годы наш герой К театру был прикован, Но ныне он отцвел душой – Устал, разочарован!* (Н. А. Некрасов. Прекрасная партия).

‘Увядание’ души вызвано действием отрицательных эмоций – скорби, печали, уныния, тоски: *Моя душа в тяжелой скорби вянет, Мой дух изныл под бременем оков!* (С. Я. Надсон. Три встречи Будды (1885); *Для той печали нет стихов, В которой вяну я душою, Смотри, как страждут предо мною Все те, кем мой украшен свет!* (В. А. Жуковский. К доктору Фору (181); *Середний брат наш – я сказал – Душой скорбел и увядал* (В. А. Жуковский. Шильонский узник); *У всех унынием оделось чело, Душа увянула и сердце отцвело* (Е. А. Баратынский. Богдановичу).

Если ‘цветение’ души было ассоциативно связано с весною, то ‘увядание’ вполне закономерно связано с осенью: *Теперь душа моя увяла – И меркнет неба ясный свет; Не для меня весна цветет: Мне осень ранняя настала!* (В. И. Козлов. Вечерняя прогулка). Метафоры увядания, окончания цветения также связаны с старостью, завершением цикла развития: *Когда с отцветшею, с отжившею душой, В восторге юности, я их речам внимаю* (И. П. Мятлев. Лунная ночь).

4. Фрейм «Места произрастания растений». Внутренний мир человека также достаточно часто уподобляется разнообразным местам произрастания растений, например, плодородной ниве и почве. Душа человека – это пространство, в котором укореняются и произрастают чувства и эмоции, достоинства и

пороки: *Но в Яжелбицах определено мне было быть зрителем позорища, которое глубокий корень печали оставило в душе моей, и нет надежды на его истребление* (А. Н. Радищев. Путешествие из Петербурга в Москву); *И вот я торю тропу к тому моменту, когда в его слоистой русско-еврейской душе проклюнется ответный росток* (Г. Щербакова. Моление о Еве (2000); *Алчность богатства, жадная корысть с каждым днем разрастаются в омраченной душе его...* (П. И. Мельников-Печерский. В лесах).

В рамках фрейма «Место произрастания растений» метафорическое переосмысление получают концепты «почва», «нива», «сад», «палисадник», «огород», «лес», «дебри». По наблюдениям З. М. Волоцкой, существует «противопоставление культурных растений, выращиваемых человеком в «своем» пространстве (огороде, поле, саду), дикорастущим растениям, растущим в чужом пространстве без участия человека» [Волоцкая 1983: 190]. Душа человека, концептуализируемая как некое место произрастания растений, также характеризуется категориальными признаками «свой-чужой».

4.1. Слот «Природные места произрастания растений». Естественные природные массивы, с которыми сопоставляется внутренний мир, репрезентируют закрытость, недоступность для окружающих душевной жизни человека. Метафорической проекции подвергаются концепты «лес», «бор», «дебри». Прототипический признак данных лесных массивов – труднодоступность.

В метафоре **душевных дебрей** реализовано восприятие души как закрытого, недоступного для посторонних пространства, внешнее вторжение в которое крайне нежелательно: *Павел Иванович – единственный человек, ... которому дозволяется вопросительно заглядывать в мои глаза и запускать исследующую руку в дебри моей души...* (А. П. Чехов. Драма на охоте); *Налетела ты бурю в дебри души!* (К. К. Случевский. Налетела ты бурю в дебри души...).

Трудности при понимании устремлений другого человека, его душевного настроения зачастую передаются метафорами темного леса: *Чужая душа, ты знаешь, темный лес, а девичья и подавно* (И. С. Тургенев. Дворянское гнездо); *Расскажите мне обо всех, няня. Все веселы и довольны? – Вид все стараются иметь веселый и довольный, Марья Григорьевна, а, конечно, чужая душа – темный лес: только в самую чащу войдешь, так зверя выпугнешь, а издали смотреть – одну зелень*

кажет (М. Вовчок. Живая душа); *Мы ничего не можем сказать о том, какие перевороты произвело время в душе нашего героя: чужая душа – темный лес,* – говорится (Д. В. Григорович. Проселочные дороги).

4.2. **Слот «Окультуренные места произрастания растений».** Душа концептуализируется преимущественно как окультуренное, освоенное человеком место произрастания растений, это *нива, сад, огород, палисадник: Так горный пламень вдохновенья Горит над нивою души...* (Ф. Н. Глинка. Жатва); *Твоя душа, как тот заветный сад, Где сходятся изысканные маски...* (Ф. К. Сологуб. Лунный свет); *В душе у нее, как в палисаднике, цветов немного, но все возвращены любовно* (М. Горький. Жизнь Клима Самгина); *Наблюдил ты в душе у меня, словно козел в огороде, вот и вся суть твоих речей!* (М. Горький. Исповедь).

Образ сада позволяет актуализировать эстетические признаки души, ее красоту и величие: *С изысканно-убранным садом Сравнил бы я душу твою* (Ф. К. Сологуб. Лунный свет); *Сады моей души всегда узорны, В них ветры так свежи и тиховейны, В них золотой песок и мрамор черный, Глубокие, прозрачные бассейны* (Н. С. Гумилев. Сады души); *Весь боль и ушиб. Вам завещаю я сад фруктовый моей великой души* (В. В. Маяковский. Ко всему).

Также метафоры сада и огорода позволяют представить душу как объект особой заботы человека, пространство, тщательно оберегаемое, личное, поэтому любое внешнее вторжение в это пространство предстает как нечто разрушительное: *Наблюдил ты в душе у меня, словно козел в огороде, вот и вся суть твоих речей!* (М. Горький. Исповедь); *И на земле ей дико стало, Очарование ушло...Толпа, нахлынув, в грязь втоптала То, что в душе ее цвело* (Ф. И. Тютчев. О, как убийственно мы любим...).

4.3. **Слот «Заросшее / ухоженное место произрастания растений».** Как уже было отмечено, внутренний мир человека требует неустанной заботы человека. Метафоры неухоженности, заброшенности, репрезентируют дискомфортные состояния души: *Нечаянное сочувствие к людям, одиноко работавшим против вещества всего мира, прояснялось в заросшей жизнью душе* Пухова (А. П. Платонов. Сокровенный человек); *Пусто и одичало, как на забытом затравевшем лебедею и бурьяном гумне, стало на душе у Аксиньи после то-*

го, как пришла с мелеховского огорода, из подсолнухов (М. А. Шолохов. Тихий Дон); ... под казавшимся ей непроницаемым слоем ила, застлавшим ее душу, уже пробивались тонкие, нежные молодые иглы травы, которые должны были укорениться и так застлать своими жизненными побегами задавившее ее горе, что его скоро будет не видно и не заметно (Л. Н. Толстой. Война и мир).

Работа над собой, духовный рост регулярно описывается метафорами искоренения сорняков, избавления от сора и бурьяна: *Мне двадцать шесть годов, и лет пять я в душе моей всякий древний бурьян без успеха полол* (М. Горький. Лето).

5. Фрейм «Выращивание растений». Фитоморфная метафорика «активно «притягивает» слова из других семантических сфер (лексику хозяйственной деятельности человека, связанную с растениеводством)» [Балашова 1999: 257]. Земледелие являлось одним из базовых видов деятельности человека, это «основное традиционное и наиболее ритуализированное занятие славян (наряду со скотоводством). ... Для общеславянской традиции характерно представление о высоком статусе земледельческого труда в сравнении с военными и даже магическими функциями высшей власти – князя» [Петрухин 1999: 312].

Центральные компоненты внутреннего мира человека – душа и сердце – представлены как плодородная почва, дающая обильные плоды. Следует отметить, что уподобление компонентов внутреннего мира пашне присутствует и в текстах Священного Писания, где сердце предстает как пространство, засеянное словами: *всякому слышащему слово Царствия и не разумевающу, приходит лукавый и восхищает всеянное в сердца его: сие есть, еже при пути сеянное...*(Мф. 13: 19).

В древнерусских текстах 'нива' души подвергается всем основным действиям, которые характерны для обычного поля, это пахота, посев, жатва.

5.1. Слот «Подготовка почвы и пахота». В земледелии первостепенное значение имеет подготовка почвы, это начальная фаза сельскохозяйственного процесса, без которой невозможен хороший урожай.

Метафоры пахоты используются преимущественно для демонстрации глубокого воздействия на человека и его душу различных событий, поступков, людей: ... *одолевают меня мысли его, разбудил он меня до глубины и как плугом вспахал душу мне* (М. Горький. Исповедь).

5.2. Слот «Посев». Метафоры посева восходят к евангельской притче о сеятеле (Мтф. 13: 37, Мк. 4: 30-32), где Иисус предстает как сеятель, его слово – как семя, а слушатели и их сердца – как почва (благодатная или бесплодная). Продуктивны метафоры посева и в художественном дискурсе, однако в качестве семян, которые сеются в душу, уже выступает не только Слово Божье, но и любые добрые дела и поступки: *Смотрел я умиленно и в первый раз от роду принял я тогда в душу первое семя слова божия осмысленно* (Ф. М. Достоевский. Братья Карамазовы); *Я сказал, сколь сие сладко – согреть беззащитное тело детей и насаждать души их семенами благодости* (Н. С. Лесков. Божедомы); *Добрые и честные начала, посеянные ими, крепко вкоренились в ее молодой душе* (В. В. Крестовский. Петербургские трущобы); *через такие вот игры и забавы происходит в детской душе первый посев любви к ближнему* (Андрей Битов. Колесо (записки новичка)).

Плевелами, вредными семенами являются соблазны, злоба, цинизм: *Не то станет он в твоей душе сеять соблазны* (П. И. Мельников-Печерский. На горах); *Не думала, что семена журналистского цинизма, брошенные в твою душу не очень давно, попадут на такую унавоженную почву...* (М. Баконина. Школа двойников); *Душа тоже не по своей воле добром неплотна, — сам ли я посеял злобу в ней?* (М. Горький. Мать).

Также в художественном дискурсе семенами, засевающими душу человека, становятся отрицательные эмоции, сомнения, недоверие: *В душу мне он ужас сеет. Всё в глазах моих мертвеет* (В. В. Капнист. Ода на смерть Пленеры); *и мое сердце ... распрыскало в душе моей черные, язвительные семена отчаяния* (О. И. Сенковский. Антар); *Сие произшествие... посеяло в душе его справедливую недоверчивость к обещаниям* (А. Н. Радищев. Житие Федора Васильевича Ушакова, с приобщением некоторых его сочинений); *И не он, Королев, станет тем человеком, который посеет в душе Звягинцева малейшие сомнения в действиях высшего командования* (А. Чаковский. Блокада).

5.3. Слот «Сбор урожая и жатва». Когда вырастает посеянное на 'ниве' внутреннего мира, наступает время созревания плодов, сбора урожая, жатвы. В метафорическом плане данные концепты связаны с результативной деятельностью, приобретением знания, интеллектуальной деятельностью: *Сердечная, всегда наглядная для них забота ваша о них, любовь*

ваша к ним согрели бы как теплым лучом все посеянное в их душах, и плод вышел бы, конечно, обильный и добрый (Ф. М. Достоевский. Дневник писателя. 1877. Год II-й); *Так горный пламень вдохновенья Горит над нивою души, И сплет жатва дум в тиши ...* (Ф. Н. Глинка. Жатва).

Следует также отметить, что в текстах XX века уже практические не встречаются метафоры удобрения, пахоты, жатвы, что объясняется экстралингвистическими факторами: городское население преобладает над сельским и мало знает о деталях сельскохозяйственных работ.

Концептуализация духовной жизни человека в терминах растениеводства и земледелия убедительно свидетельствует о преобладании в национальном сознании идеи активного воздействия на свой внутренний мир, о деятельностном подходе к формированию и развитию своей души.

В результате проведенного исследования стало возможным утверждать, что метафоры с исходной сферой «мир растений» являются значимым способом концептуализации души человека, в особенности в художественном дискурсе. Это во многом обусловлено детальной структурированностью исходной сферы и ее принадлежностью к кругу ближайших интересов человека. Познавая, что представляет собой душа и каковы ее основные свойства, человек активно использует аналогию с растительным миром, при этом основанием переноса становятся такие прототипические свойства растений, как их жизненная сила, развитие, необходимость в бережном уходе.

В большинстве случаев в русской лингвокультуре фитоморфные метафоры используются для репрезентации эмоциональной жизни человека, его душевного состояния, а также для обозначения этапов жизни, его духовного развития. Особо следует отметить, что фитоморфные метафоры обладают ярко выраженным позитивным прагматическим потенциалом, акцентируют идею взаимосвязанности человека и природы, идею естественности и непрерывности развития.

ЛИТЕРАТУРА

Балашова Л. В. Роль метафоризации в становлении и развитии лексико-семантической системы (на материале русского языка XI–XIV вв.): дис. ... доктора. филол. наук. – Саратов, 1999.

Богуславский В. М. Человек в зеркале русского языка, культуры и литературы. – М. : Космополис, 1994.

Волоцкая З. М. Лексика болгарских загадок (опыт составления семантического словаря загадок) // Славянское и балканское языкознание. Проблемы лексикологии / Отв. ред. Л. Н. Смирнов. – М.: Наука, 1983. С. 187–204.

Кондратьева О. Н. Фитоморфные признаки в структуре концептов внутреннего мира человека (на материале текстов Древней Руси) // Новая Россия: новые явления в языке и науке о языке. – Екатеринбург: Изд-во Уральского гос. ун-та, 2005. С. 75–83.

Кондратьева О. Н. Динамика метафорических моделей в русской лингвокультуре (XX–XX вв.): дис. ... д-ра филол. наук: спец. 10.02.01 «Русский язык». – Кемерово, 2014.

Кошарная С. А. Миф и язык: Опыт лингвокультурологической реконструкции русской мифологической картины мира. – Белгород: БГУ, 2002.

Кропотухина П. В. Фитоморфная метафора в современном политическом дискурсе России и Великобритании: автореф. дисс. ... канд. филол. наук. – Екатеринбург, 2011.

Петрухин В. Я. Земледелие // Славянские древности. – М., 1999. Т. 2. С. 312.

Рыжкова Е. В. Флористическая метафора и концептуальная картина мира носителя английского языка [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://edu.novgorod.ru/fulltext/588/ryzhkova01_31012003.doc

Словарь библейских образов / под ред. Л. Райкена, Дж. Уилхойта, Т. Лонгмана. – СПб.: Библия для всех, 2008.

Словарь символов [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://mirslovari.com/content_sim/roza-733.html

Толстая С. М. Душа // Славянские древности. Этнолингвистический словарь. – М.: Международные отношения, 1999. Т. 2. С. 162–167. Топоров 1999;

Чудинов А. П. Россия в метафорическом зеркале: Когнитивное исследование политической метафоры (1991–2000). – Екатеринбург: Урал. гос. пед. ун-т, 2001. 238 с.